

С. 15. * См.: Иустин Философ. Разговор с Трифоном Иудеанином об истине христианского закона. С. 11.

** Там же. С. 25.

*** Ср.: «Мы научены, что Христос есть перворожденный Бога, и мы выше объявили, что Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий» {Иустин Философ. Апология I // Ранние отцы церкви. С. 316}.

**** Ср.: «По причине семени Слова, насажденного в роде человеческом» (Там же. С. 353).

С. 16. * Ср.: «Итак, все, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам, христианам» {Иустин Философ. Апология II // Ранние отцы Церкви. С. 359}.

** Это высказывание Э. Жильсона как нельзя лучше обнаруживает его отношение к философии, чьи определения якобы идентичны во все времена. Однако во II веке в христианской среде происходит переопределение понятия философии, изменение самого стиля философствования. Излагая доктрину какого-либо философа, многие современные историки философии, в число которых входит и Э. Жильсон, пытаются подойти к ней систематически, словно бы она составлена по определенному плану. Но у раннехристианских писателей такого плана не было, а если и был, то касался он не учения, а того предмета, к которому он был посвящен тот или иной труд. Названия раннехристианских трудов прямо и непосредственно вводили в суть данного предмета (скажем, в защиту христиан), и это значило поступать при исследовании этой сущности именно по-философски, то есть, «соблюдать правду в словах и поступках своих, хотя бы угрожала смерть» {Иустин Философ. Апология I // Ранние отцы Церкви. С. 272}. Философствование, по Юстину (Иустину), есть условие для обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, требующее и углубленного обсуждения, и широкого обобщения. «Если правители и народы не будут философствовать, то гражданские общества не могут благоденствовать» (Там же. С. 273). Заключение апологета о презрении к смерти, «которой бы надлежало убежать» [...Ибо какой распутный и невоздержный, почитающий за удовольствие есть плоть человеческую, может охотно принять смерть, чтобы лишиться своих удовольствий? Не будет ли он, напротив, стараться всячески продолжить свою настоящую жизнь и скрываться от властей, а не объявлять о себе для осуждения на смерть?] {Иустин Философ. Апология II // Ранние отцы Церкви. С. 357}], можно назвать своеобразным этическим доказательством бытия Бога. «Если это не так, то Бога нет, или если есть, то Он не печется о людях, то и добродетель, и порок — ничто» (Там же. С. 354). Такого рода этическое доказательство ведет к тому, что человек, назвавший себя христианином, бескомпромиссен в философском выборе, даже если и можно найти некоторые сходства между «учением Платона» и «Христовым учением». Признание сходств не означает их сближения, Юстин говорит здесь о другом. Сходства, полагает он, означают предвестие идеи Христа в чутких умах, к примеру Сократа или Гераклита, прорастая сквозь ненадежные учения. И только окончательно познав истинное Слово, можно принести за него жертву — вот основная мысль Юстина. Сходства и подобия — основные свидетели его решительности, основанные на строгом рассуждении. Нежелание признавать других богов не есть нежелание религиозное, одна религия способна оградиться от другой своим миром. Это бескомпромиссность философского свойства, обнаруживающая философскую укорененность в самой вере. Старания Юстина найти сходства с языческой философией проистекают из идеи преемства мысли и единомыслия, поскольку любая человеческая мысль,